

Предупреждение: присутствуют описания работорговства, насилия и унижения женщин

- Вэньцзюнь?!

Черты лица Чжэнь Вэньцзюнь сводило дикой судорогой, она хохотала безумно и мучительно, совершенно не реагируя на отчаянный зов Вэй Тинсуй.

Вэй Тинсуй крепко держала её за руку, но Чжэнь Вэньцзюнь с внезапной силой толкнула её в грудь, вышвыривая из повозки. Потеряв равновесие, Вэй Тинсуй полетела кубарем на землю. К счастью, южный климат был влажным, и она рухнула в густые заросли дикой травы. К тому же Чжэнь Вэньцзюнь до этого строго следила, чтобы госпожа вовремя принимала лекарства и получала массаж, поэтому от этого падения Вэй Тинсуй не пострадала и даже сумела быстро подняться на ноги.

Но безумие охватило не только тех, кто сидел в повозке. Хохотал весь обоз. Жуткий, неестественный смех более чем тысячи человек эхом раскатывался над Хребтом Диких Лис, плотным кольцом сжимаясь вокруг Вэй Тинсуй.

Она с ужасом осознала, что она единственная, кто не смеётся.

В этот миг Чжэнь Вэньцзюнь прыгнула и мёртвой хваткой вцепилась Вэй Тинсуй в горло.

Вэй Тинсуй мгновенно подалась всем телом назад, гася силу этого сокрушительного рывка, и перекатилась в сторону. Она прекрасно знала, что Чжэнь Вэньцзюнь превосходит её мощью, и если та действительно сожмёт пальцы, то пиши пропало.

- Вэньцзюнь, приди в себя! - от резкого прыжка застарелая травма поясницы отозвалась острой болью, и Вэй Тинсуй поняла, что от следующего удара ей уже не увернуться.

- Хи-хи-хи... - Чжэнь Вэньцзюнь продолжала безудержно хохотать. Её лицо лоснилось от липкого пота, голова дёргалась из стороны в сторону, а безумный взор блуждал в пустоте.

Вэй Тинсуй поняла, что докричаться до неё невозможно.

А-Ляо, Сяохуа и остальные барышни, а вместе с ними и сотни обозных слуг, содрогаясь то ли в плаче, то ли в хохоте, начали медленно, шаг за шагом наступать, зажимая Вэй Тинсуй в кольцо. Придерживая ноющую поясницу, она вдруг почувствовала, как над её головой что-то зашевелилось.

Вэй Тинсуй взглянула вверх. Прямо с толстой ветки дерева, вниз головой, свисал призрак женщины. Длинные чёрные пряди её волос едва не касались лица Вэй Тинсуй, а из-под них проступала синюшная, мёртвенная кожа. Кроваво-красные глаза чудовища были размером с чайные пиалы, и в этом страшном зеркале Вэй Тинсуй отчётливо увидела собственное отражение...

Где-то высоко в небе с пронзительным криком пролетела птица. Чжэнь Вэньцзюнь резко открыла глаза и подскочила, обливаясь холодным потом.

Она по-прежнему находилась на Хребте Диких Лис. Неизвестно сколько времени она пролежала прямо на земле, с ног до головы испачканная в раскисшей грязи.

В памяти царил полнейший хаос, а в ушах до сих пор звенели странные, потусторонние звуки.

Чжэнь Вэньцзюнь села и осмотрела себя. Кроме налипшей грязи, никаких ран на теле не было. Однако её глубоко озадачило то, что все мышцы лица нестерпимо ныли. Ощущение было такое, будто её долго и жестоко били по щекам, хотя следов борьбы не было.

Потирая ноющее лицо, она поднялась на ноги. Лошади, повозки и роскошная «Цинъюань» А-Ляо по-прежнему стояли на тропе, но атмосфера вокруг казалась пугающе мёртвой.

Почуввав недоброе, Чжэнь Вэньцзюнь принялась одну за другой распахивать занавеси повозок. Внутри было пусто. Куда подевалась Вэй Тинсуй? А-Ляо и её свита тоже бесследно исчезли!

Вэй Тинсуй ни за что на свете не ушла бы молча, оставив её без сознания в лесу. Что же здесь произошло?

Голова Чжэнь Вэньцзюнь словно была набита тяжёлой, пропитанной водой ватой, стоило попытаться сосредоточиться, как виски пронзала адская боль. Она металась между телегами, срывая полог за пологом, но нигде не находила и следа своей возлюбленной.

Чжэнь Вэньцзюнь звала Вэй Тинсуй, бегала и кричала до тех пор, пока дыхание её окончательно не спёрло, а к горлу не подкатила тяжёлая, изнуряющая тошнота, сопутствующая головной боли.

Это состояние было слишком неестественным. Это было отравление.

Внезапно донёсшийся со стороны лагеря тихий, глухой смешок «хи-хи-хи» заставил уцелевшие крупинки памяти Чжэнь Вэньцзюнь вернуться на место. Она вспомнила, что едва обоз углубился в чащу Ехулина, как они принялись кружить на одном месте. Хозяйка постоянного двора предупреждала, что в лесу водятся призраки, и это действительно походило на чёртову круговорот. А что случилось потом?

...Потом начался сущий кошмар.

Все вокруг без малейшей причины принялись истошно хохотать! А Вэй Тинсуй, А-Ляо и Сяохуа с безумными лицами бросились на неё с оружием. Сама Чжэнь Вэньцзюнь, разумеется, не могла поднять руку на близких, а потому бросилась бежать. Она неслась сломя голову сквозь туман, как вдруг из-под земли рванулась бледная костлявая лапа и намертво сцапала её за лодыжку. Чжэнь Вэньцзюнь с грохотом полетела лицом в грязь, и прямо перед её глазами возникла уродливая голова призрака. От этого неопишемого ужаса она и потеряла сознание.

Неужели хозяйка оказалась права, и этот Хребет Диких Лис действительно стал прибежищем для неупокоенных душ искателей золота, сгинувших по дороге в Люхо?

Нет, вздор! Какая-то призрачная рожа ни за что не смогла бы напугать её до обморока. Чжэнь Вэньцзюнь отродясь не верила в загробную нечисть. Явись перед ней истинный призрак, она бы первым делом мёртвой хваткой вцепилась ему в глотку, сорвала б к чертям ворох гнилых волос и лично поглядела, что за подлец вздумал устраивать эти бесовские комедии.

– Это всё грибы.

Чжэнь Вэньцзюнь обернулась и увидела Сяохуа. Опираясь на спину лошади, та с огромным трудом поднималась на ноги и точно так же растирала затёкшее лицо.

- Мы все отравились грибами, - продолжала Сяохуа. Она обнаружила, что мышцы лица у неё не просто нестерпимо ноют, но и на щеках остались дорожки от засохших слёз. Бог весть, были ли то слёзы ужаса или безумного хохота.

- Грибы? Какие ещё грибы? - Чжэнь Вэньцзюнь совершенно не помнила, чтобы ела что-то подобное.

- Вчера вечером я попросила хозяйку постоялого двора приготовить еду для обоза. Она сослалась на то, что запасов риса у неё мало, и принесла дикую зелень да грибы. Мы с Чжун Цзи проверили варево серебряной иглой, и та не потемнела. Теперь я понимаю, какую оплошность мы допустили. Некоторые яды не отнимают жизнь, но туманят разум и вызывают сильнейшие видения. К тому же подобные токсины действуют далеко не сразу, да и серебро на них не реагирует, - Сяохуа злобно сплюнула. - Этот постоянный двор оказался самой настоящей разбойничьей норой! Верно, хозяйка не впервой проворачивает такие дела, раз сумела рассчитать дозировку с точностью до крупы.

Тут до Чжэнь Вэньцзюнь наконец-то дошло. Этим утром она проснулась от дикого голода, когда солнце ещё даже не взошло, и сразу ринулась на кухню в поисках съестного. В закромах было шаром покати, ни единой пресной лепёшки. Решив, что в этих краях Суду люди просто отродясь не пекли хлеба, она заметила на дне котла остатки похлёбки и соскребла их дочиста. Две ложки жижи голод, разумеется, не утолили, поэтому она побежала к телегам обоза, выудила из запасов сухой паёк и кое-как сгрызла пять жёстких, как камень, лепёшек, наполнив желудок едва ли на три четверти. Не будь нужды беречь провизию, она бы сожрала ещё штуки три.

Впрочем, сейчас было совсем не время думать о лепёшках.

Когда она скребла дно котла на разбойничьей кухне, рассвет ещё не наступил. Одурев от голода, лихорадки и боли в животе, она просто проглотила жижу, даже не разобрав, что именно ест. Будь её разум чист, она бы проявила осторожность и тщательно распробовала пищу. Тогда бы она наверняка раскусила подвох прямо на месте.

- Перед самым отъездом хозяйка с таким усердием расписывала нам ужасы Хребта Диких Лис, твердя о беснующихся призраках. Она сделала это намеренно, чтобы заранее зародить в наши души зерно вполне конкретного, осязаемого страха. Стоило яду подействовать, и наше сознание само породило те самые образы «призраков», которыми нас запугали. Что же до дорог Ехулина, то разбойники, без сомнения, давно перестроили и запутали эти тропы. В сочетании с густым туманом это заставляет путников кружить на одном месте, создавая полную иллюзию чёртовой круговерти. Что и говорить, перед нами матёрые волки, искушённые в грабежах.

- Да только грабёж их не интересовал, - Сяохуа хлопнула ладонью по тюкам на ближайшей телеге. - Я бегло досмотрела обоз: весь товар цел, слуги и воины живы, пускай и бредят. Пропали исключительно госпожа, А-Ляо и её молодые барышни. Но ради чего?.. - Сяохуа в растерянности накупила брови.

- Неужто работоторговцы? Те, что промышляют кражей и продажей живого товара, - Чжэнь Вэньцзюнь проявила завидную чуткость ума.

- Если это торговцы людьми, отчего же они оставили нас с тобой? - резонно возразила Сяохуа.

Из глухой пелены тумана внезапно донёсся чужой голос, бесцеремонно вклинившийся в их разговор:

– Разумеется, оттого, что вы обе выглядите слишком уж крепкими и коренастыми. За таких на рынке хорошей цены никто не даст.

Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа резко обернулись. Из белёсого марева медленно выступал силуэт. Когда человек подошёл ближе, Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно узнала его.

– А-Си?! – при виде подруги Чжэнь Вэньцзюнь аж просияла от восторга. – Я так и знала, что ты придёшь!

Ли Яньи действительно вручила Чжэнь Вэньцзюнь ворох сведений о тракте Ваньсян, уверяя, что среди них есть карты. Да только Чжэнь Вэньцзюнь несколько ночей напролёт ломала глаза над этими свитками, чуть совсем не ослепла, но так и не сумела разобрать в этих безумных каракулях, где север, а где юг, не говоря уже о затерянном царстве Люхо. На бумаги Императрицы полагаться не стоило. Истинное спасение могло прийти только от самородков, скрывающихся среди простого люда.

И А-Си была её величайшей надеждой. По её прошлым речам Чжэнь Вэньцзюнь отчётливо слышала затаённую горечь и обиду за собственное происхождение, за отца и за заброшенный тракт Ваньсян. А-Си всей душой грезилась этой дорогой и загадочным Люхо, просто до сих пор отчаянно боролась с собственным сердцем. Стоило ей усмирить внутренние сомнения, и она не смогла бы остаться в стороне.

– Не хотелось мне идти, – сокрушённо вздохнула А-Си. – Да только что поделать, раз в Мэнляне ты спасла мою шкуру? Наш род Чжун не привык платить чёрной неблагодарностью за содеянное добро. С вашими-то куцыми познаниями о тракте Ваньсян вы выкатились в путь с такой поспешностью. Да у вас сколько бы жизней в запасе ни было, все там и оставите. Эх, видать, доля моя такая несчастная.

Смирившись с судьбой и открыто признав собственные потаённые желания, А-Си наконец-то присоединилась к ним.

Чжэнь Вэньцзюнь тут же принялась тормошить Цзо Куньда. Тот всё ещё продолжал безумно хихикать. Сколько она ни трясла его за плечи, всё было без толку. В конце концов она просто зачерпнула ведро ледяной воды и окатила его с головы до ног, и лишь тогда к нему вернулось подобие рассудка.

Чжэнь Вэньцзюнь строго приказала ему во что бы то ни стало оберегать товар, оставаться на этом самом месте и не делать ни шагу вперёд, пока она лично не вернётся назад.

– Этот постоянный двор – бродячая западня, которая вечно кочует у ворот тракта Ваньсян. Они промышляют тем, что крадут барышень Центральных равнин и продают их в рабство в царство Гуси.

А-Си собиралась было разложить всё по полочкам без лишней спешки, но Чжэнь Вэньцзюнь до безумия пеклась о безопасности Вэй Тинсюй. Не теряя ни секунды, она вывела несколько коней, заставила А-Си сесть в седло и указать дорогу. Они вели беседу прямо на скаку.

– Воруют барышень Центральных равнин? – Чжэнь Вэньцзюнь насупила брови. – Но ради чего?

– Тут нужно зреть в самые истоки и нравы Гуси, – А-Си, в чьих жилах текла половина их крови, отродясь не бывала на этой проклятой земле после того, как у неё открылись глаза на мир. Однако родственные узы давали о себе знать, и годами листая древние свитки и выискивая крупницы знаний, она изучила это царство до мельчайших подробностей. – В Гуси ещё с

древности почитают мужчин и презирают женщин. Едва на свет рождается девочка, её чаще всего сразу душат или выбрасывают в дикое поле. Их предки испокон веков вбивали в головы потомкам, что лишь мужской род продлевает имя племени, а женщина лишь безмозглая скотина для продолжения рода и не более того. Каждый из них твёрдо знает, что сколько бы сил и добра ты ни извёл на воспитание дочери, в итоге она уйдёт в чужой дом и станет рожать чужому клану. Для родной семьи это чистый убыток, а вести разорительные дела никто не желает. Из-за таких диких помыслов женщины там пали ниже некуда, и число их с каждым годом стремительно тает. Стоит юноше войти в пору зрелости, как найти суженую становится задачей невыполнимой. Женщины из простого товара превратились в товар драгоценный, который по карману лишь богатеям, а простому бедняку суждено весь свой век коротать в одиночестве. Но даже при таком раскладе они и не думали возвышать женщину. В отличие от Великой Юй, Гуси - глухой, забытый южный уголок, они веками сидят в своей скорлупе и плевать хотели на перемены в Поднебесной. Они признают лишь грубую первобытную силу. Женщина для них - вещь, имущество, и этот уклад нерушим. В своё время союз моих матери и отца стал величайшим кощунством для их законов. Мужчины Гуси сочли, что не местный нагло похитил их добро, и со звериной яростью бросились отбивать её назад. А вернув, объявили, что матушка осквернена чужаком, и заживо выпустили из неё кровь во славу неба. Этот дикий народ ничуть не изменился и по сей день. Своих женщин им не хватает для утоления похоти, вот они и заглядываются на чужих. А статные, кроткие и белолицые девушки Центральных равнин - заветная мечта для любого богатого жителя Гуси.

- Получается, эта хозяйка угнала повозки, чтобы продать госпожу и остальных барышень господам Гуси? - при этих словах Сяохуа наконец-то поняла, отчего работорговцы побрезговали ими с Чжэнь Вэньцзюнь. Обозные слуги сплошь мужики, тут всё ясно. А у них двоих высокие переносицы и глубокие глазницы, в их чертах слишком явно читалась порода степных варваров-ху. За таких на рынке Гуси хорошей цены никто бы не дал. Живой товар сочли бракованным.

- Именно, - подтвердила А-Си. - По моим сведениям трёхлетней давности, за одну молодую черноголовую барышню Центральных равнин в Гуси без разговоров выкладывают тысячу таэлей чистого золота. Обычные люди Гуси не могут позволить себе даже своих женщин, не говоря уже о женщинах с Центральных равнин. Они сталкиваются с одинокой жизнью. Только знать может позволить себе покупать женщин с Центральных равнин. - А-Си бросила мимолётный взгляд на Чжэнь Вэньцзюнь:

- А уж если она прекрасна ликом, за неё начнётся самая настоящая драка. Чем краше, тем баснословнее цена.

- И... что эти твари делают с ними после покупки? - сердце Чжэнь Вэньцзюнь забилося в дикой панике, ей было страшно даже помыслить о продолжении.

- А сама как думаешь? - хмуро отозвалась А-Си. - Держат взаперти на цепи, как племенных кобылиц для размножения.

Услышав эти мерзкие слова, Чжэнь Вэньцзюнь пришла в неопишемое бешенство, в груди у неё всё едва не разорвалось от ярости. Она с дикой силой полоснула плетью по крупу Сяосюэ. Конь от боли взвился на дыбы и безумной стрелой полетел вперёд. Сяохуа тоже прошиб холодный пот, ей страшно было даже вообразить, что худшая, самая грязная мерзость на земле может коснуться её утончённой госпожи... Помощница яростно замотала головой, отгоняя наваждение, и во весь опор припустила следом.

- Эй! Вы чего так понеслись?! Без меня вы хоть знаете, куда сворачивать?! - А-Си в седле

держалась прескверно, оттого и не смела гнать коня во всю прыть, боясь свернуть шею.

Однако Чжэнь Вэньцзюнь ещё у постоянного двора заприметила глубокие следы колёс на тропе. В здешних краях вечно лили дожди, почва была раскисшей и мягкой, оттого тяжёлые телеги оставляли чёткие борозды. Даже без подсказок А-Си её навыков следопыта с лихвой хватило бы, чтобы намертво сесть на хвост работорговцам.

Чем дальше они скакали, тем сильнее её сердце обливалось кровью от раскаяния. Она ведь знала, что Тракт десяти тысяч направлений таит в себе пугающие опасности, зачем, ради чего она позволила Вэй Тинсюй последовать за караваном? Ей следовало проявить командирскую жёсткость и, что бы та ни говорила, связать да силой отправить обратно в Жунин. Ну и пусть бы Вэй Тинсюй метала громы и молнии, пусть бы два месяца не желала с ней разговаривать. Но какое это имело значение? Всё было бы лучше, чем видеть её сейчас в лапах дикарей.

Вэй Тинсюй всю свою жизнь провела в пределах Великой Юй, где за её спиной незыблемой скалой стояла мощь семьи Вэй. За границами империи возможности её были скованы, а в незнакомом и враждебном краю она оказывалась уязвима как никогда.

Чжэнь Вэньцзюнь проклинала себя на чём свет стоит.

Стоит мне только вырвать Тинсюй из рук этих тварей, и я в ту же секунду, без малейших колебаний отправлю её назад под защиту застав Великой Юй! Решительно и бесповоротно!

А пока ей оставалось лишь молить вышние небеса о заступничестве, надеясь, что мудрая Вэй Тинсюй сумеет обвести разбойников вокруг пальца и дожждаться подмоги.

Они скакали во весь опор больше часа. У А-Си едва мозги не вытряслись наружу, но они наконец миновали сырую чащу и увидели впереди невысокое укрепление. После величественных, грозных и неприступных крепостей Великой Юй, стены этого городка царства Гуси казались нелепыми, их не удосужились выстроить даже по одной прямой линии. Высота кладки не превышала трёх чжанов. Чжэнь Вэньцзюнь, обладавшая зорким зрением, заметила на стене нескольких зевающих солдат. Те лениво прохаживались, то и дело застывали на месте, переговаривались и хохотали, в их поведении не было и тени бдительности, присущей настоящим часовым.

Укрывшиеся за толстыми стволами деревьев Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа при виде этого зрелища вознамерились пойти напролом, но А-Си вовремя удержала их за плечи.

– Я знаю, что у вас сердце кровью обливается, но отчаянная спешка лишь погубит всё дело. Если сами тут сгинете, ваших спутниц спасти будет некому, и они точно обречены. – А-Си заставила их затаиться. – Погляньте: с этой стороны воинов на стенах мало лишь оттого, что они сменяются каждые два часа. Сейчас как раз время пересменки, и очень скоро сюда прибудет настоящий дозор. Что уж говорить о воротах, там внизу дежурит полсотни отборных гвардейцев. Оружие у Гуси, спору нет, отсталое, но вас-то всего двое. Одолеть десятерых вам под силу, а вот выстоять против сотни едва ли.

Чжэнь Вэньцзюнь спросила её:

– А-Си, у тебя есть план?

А-Си лукаво улыбнулась:

– Ты обратилась по адресу. Ну-ка, глянь на меня: похожа я на степную дикарку-ху?

- Ничуть. В отличие от нас двоих, в твоём лице варварской породы не видеть.

А-Си поочерёдно шлёпнула Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа по затылкам:

- Выскакивайте из засады поживее, не давайте этим тварям по-настоящему меня покалечить.

У ворот царства Гуси сновали туда-сюда повозки и всадники, и каждому обозу для входа в город требовалось явить табличку-пайфу. Местные мужчины и женщины поголовно носили высокие белые колпаки и длинные белые халаты, отчего вся эта процессия смахивала на погребальное шествие.

Двое мужчин верхом как раз выезжали из города, собираясь углубиться в дождевые лесные заросли, как вдруг из чащи донёсся жалобный, нежный девичий крик на срединном наречии:

- Спасите... На помощь!

Мужчины Гуси были невероятно падки на барышень Центральных равнин. Они мгновенно осадил коней и устремили жадные взоры в глубь леса. Там, едва удерживаясь за ствол старого баньяна, стояла хрупкая, изнеможённая чужеземка, готовая вот-вот лишиться чувств. Гуси даже коней привязать не удосужились и со всех ног ринулись хватать добычу. Один вцепился ей в руку, другой мёртвой хваткой сцапал за лодыжку, они едва не разорвали бедняжку на части прямо на месте.

- Я первый её заметил! Моя добыча!

- С какой стати?! Я её раньше тебя обнял!

- Моя!

- Нет, моя!

Они яростно переругивались на своём гортанном наречии, совершенно не заботясь о том, жива ли пленница. Будь она хоть трижды здоровой, эти дикари вполне могли заживо разорвать её пополам.

А-Си взывала от нестерпимой боли, позабыв о роли хрупкой девы:

- Чжэнь Вэньцзюнь! Сяохуа! Какого чёрта вы там застыли?!

Мужчины Гуси опешили: «А?», но в то же мгновение над их головами выросли две зловещие тени. Не успели они вскинуть взоры, чтобы разобраться в чём дело, как Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа точными ударами ладоней по шее отправили их в глубокий обморок.

- Вы вообще люди или звери бездушные?! - А-Си, у которой от безжалостных рывков разбойников слёзы из глаз брызнули, яростно набросилась на этих двоих, что использовали её как наживку и до последнего тянули с ударом.

- Враг наиболее уязвим в миг своего наивысшего торжества. Мы лишь дожидались идеального момента, - Чжэнь Вэньцзюнь принялась спешно стягивать с обмякших тел длинные халаты, попутно извиняясь перед подругой:

- Прости, что не предупредили заранее. Чтобы заманить зверя в ловушку, комедию нужно разыгрывать без фальши.

А-Си была готова подпрыгнуть и разбить Чжэнь Вэньцзюнь голову, да только роста бы не хватило дотянуться.

Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа уродились статными и высокими, тогда как мужчины Гуси были заметно мельче северных мужей Великой Юй. Чжэнь Вэньцзюнь чужое платье пришлось в пору по фигуре, а вот на мускулистой, могучей Сяохуа свободный халат натянулся так плотно, словно это были узкие бойцовские латы.

Поначалу Чжэнь Вэньцзюнь порывалась срезать с пленников кожу, чтобы соорудить маски-личины и беспрепятственно проникнуть в город. Однако эти двое не причинили ей личного зла, и лишать жизни ни в чём неповинных людей у неё не повернулась рука. К тому же Сяохуа была пугающе проницательна. Сотвори Чжэнь Вэньцзюнь маску из плоти у неё на глазах, помощница непременно принялась бы допытываться, у кого та обучилась столь зловещему искусству маскировки, и пришлось бы долго выкручиваться. Благо, свободный покрой и широкие рукава здешних одеяний позволяли легко скрыть фигуру. Лица у них обеих имели явную породу степных племён Ху, а стоило слегка изменить черты простейшими белилами и углём, и они без труда сошли бы за местных. Проблема крылась в ином... как быть с А-Си?

– Всё просто, – изрекла Чжэнь Вэньцзюнь. – Она станет нашей пленницей. В этих краях везти с собой рабыню – дело привычное, никто и бровью не поведёт.

Сяохуа согласно кивнула, одобряя замысел.

А-Си:

– ...

Благодаря табличке-пайфу они без труда миновали городские ворота. Стражники на входе лишь проводили Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа завистливыми взглядами: надо же, эти двое совсем ещё молоды, а уже умудрились раздобыть такое завидное богатство. За эту чужеземку на рынке явно можно будет выручить кучу золота.

А-Си и ухом не повела на эти сальные, липкие взгляды. Она шла, чутко вслушиваясь в говор окружавших их мужчин, пытаясь разобрать, о чём те толкуют. Её мать и впрямь была родом из Гуси, но никаких воспоминаний о ней у девочки не осталось. Зато отец был мужем учёным, исколесившим полсвета и владевшим многими языками. На их наречии они когда-то часто переговаривались с супругой. В детстве А-Си и сама бегло изъяснялась на нём, но после исчезновения отца за долгие годы многое позабылось. Сейчас чужая речь давалась ей с трудом, однако общий смысл уловить она всё же могла.

– Как удачно совпало, что сегодня у них проходит великий торг, который они устраивают раз в два месяца. На нём выставляют самых редких рабынь из Центральных равнин, а богатеи бьются за них на торгах. Кто больше даст, тому товар и достанется, – шепнула А-Си, разобрав оживлённые выкрики толпы.

– Подонки... Сволочи, – Чжэнь Вэньцзюнь слушала это, до боли сжимая челюсти от ярости. Повсюду на улицах этого каменистого города она видела одну и ту же картину: здешние мужчины, те, что побогаче, гордо восседали на конях, а позади их скакунов на верёвках брели женщины. По одежде всадников легко можно было угадать их достаток. Чем роскошнее был халат на хозяине, тем моложе и краше была привязанная к луке седла пленница. Женщины здесь служили живым свидетельством богатства и знатности мужчин Гуси. Толстые железные ошейники намертво въедались им в шеи, пока конь шёл шагом, несчастные ещё могли перевести дух, но стоило наезднику взмахнуть плетью и пустить лошадь вскачь, и им

приходилось бежать изо всех сил, спотыкаясь и падая лицом в камни.

Чжэнь Вэньцзюнь не верила своим глазам, как на свете может существовать столь жестокий и мерзкий народ? На фоне этих дикарей женщины в Великой Юй жили чуть ли не в райских кущах.

Она костями ляжет, но не допустит, чтобы Вэй Тинсюй осталась в этом адском месте!

Праздная толпа зевак и повозки местной знати нескончаемым потоком устремлялись в одном направлении. А-Си пояснила, что все они держат путь к рыночной площади, которую здешние именовали «Сюаньгуань»¹. Именно там выставляли напоказ товар. Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа, из последних сил подавляя бушевавший в груди гнев, покорно следовали за толпой. Стоило им выйти к площади, как сразу стало ясно, откуда взялось такое название.

¹«Сюаньгуань» – Висящая застава.

В самом центре рынка, прямо из-под высоких балок, на толстых канатах медленно опускался ряд громадных деревянных клеток. Внутри каждой, понурив головы, сидели по три барышни из Центральных равнин. Клетки плавно опустились перед помостом, который был чётко разделён на три зоны. В каждой зоне на пышных коврах восседали роскошно одетые мужчины.

– Это три главных благородных рода Гуси, – негромко пояснила А-Си. – Погляди на их шапки: хотя все они носят белые, но камни, вшитые спереди, у каждого свои. По ним и судят об их силе. В Гуси нет единого правителя или владыки, власть делят три могущественных клана, что всю жизнь спят и видят, как бы истребить соперников. Эта вражда и шаткое равновесие длятся уже больше века, и ни один род так и не сумел объединить Гуси. Они грызутся насмерть за каждую пядь земли, и даже за рабов бьются до последнего. Похоже, сегодня нас ждёт жаркая схватка.

Всё вышло в точности так, как и говорила А-Си. Несколько заходов подряд богачи с яростью взвинчивали цены, стремясь любой ценой утереть нос соседям. Однако Чжэнь Вэньцзюнь подметила странную деталь. Пока господа с изумрудами и синими сапфирами на шапках остервенело перебивали ставки друг друга, клан с кроваво-красными рубинами хранил ледяное молчание, словно выжидая особого момента.

– Последний раунд! Сейчас выкатят главное сокровище торга! – зычно прокричал глашатай.

Огромная деревянная клетка на канатах медленно поплыла вниз, и у Чжэнь Вэньцзюнь сердце пропустило удар. Внутри действительно находилась Вэй Тинсюй.

Она была в этой клетке совершенно одна.

Увидев, что на её спутнице по-прежнему надеты родные одежды, у Чжэнь Вэньцзюнь отлегло от сердца, но в следующее мгновение она заметила запёкшуюся кровь у неё на губах.

Вэй Тинсюй чинно сидела на коленях, её тонкие запястья были скованы тяжёлыми железными цепями, намертво притянутыми к самому дну клетки. На её бледной, до белизны сияющей коже эти ссадины и следы от ударов казались алыми лепестками дикой сливы, безжалостно брошенными на чистый снег.

Но даже в цепях она держала спину прямо, и во всём её облике читалось такое нерушимое величие и гордость, что она ничуть не походила на жалкий товар, выставленный на потеху толпе. Напротив, казалось, это великая владыка сошла с небес, чтобы милостиво принять

смотр своих подданных.

У всех присутствующих на площади буквально перехватило дыхание, мужчины пожирали это сокровище жадными глазами. Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой вцепилась в рукоять меча под халатом, готовая ринуться в бой и устроить кровавую баню, а Сяохуа рядом едва сдерживала глухой, яростный рык. А-Си перепугалась до полусмерти, повиснув у них обеих на руках:

- С ума сошли?! Поглядите, сколько здесь стражи, вы же на верную гибель идёте! А ну стоять, возьмите себя в руки!

<http://bllate.org/book/17227/1994451>